

Всемирная история

Михаил ЕЛИСЕЕВ

ВОЙНЫ МИТРИДАТА

Всемирная история (Вече)

Михаил Елисеев

Войны Митридата

«ВЕЧЕ»

2016

Елисеев М. Б.

Войны Митридата / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4444-8647-4

Митридат VI Евпатор, правитель Понта и создатель Черноморской державы, был последним великим царём эллинистического мира, который с оружием в руках встал на пути агрессивных устремлений Римской республики. С детства возненавидев это волчье племя, Митридат пронёс ненависть к Риму через всю свою жизнь и до последнего дня мечтал о победе над лютым врагом. Три войны, которые он вёл против этих захватчиков, окончательно изменили античный мир, и после этого римская гегемония в Средиземноморском регионе стала непререкаемой.

ISBN 978-5-4444-8647-4

© Елисеев М. Б., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Явление Митридата (134–111 гг. до н. э.)	6
Митридат в античной историографии	6
Натиск на Восток	9
Схватка за власть	15
Армия Митридата	22
Создание Черноморской державы (111–106 гг. до н. э.)	25
От Пантикапея до Херсонеса	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Елисеев

Войны Митридата

© Елисеев М. Б., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, возждей в замыслах, воин в бою, а в ненависти к римлянам – Ганнибал.

Гай Веллей Патеркул

Ведь для войны с Пирром было достаточно четырех лет, с Ганнибалом – тринадцати, Митридат же сопротивлялся сорок лет, пока не был сломен в трех величайших войнах счастьем Суллы, храбростью Лукулла, величием Помпея.

Луций Анней Флор

Явление Митридата (134–111 гг. до н. э.)

Митридат в античной историографии

Как это ни парадоксально прозвучит, но о Митридате VI Евпаторе¹ нам известно и слишком много и слишком мало. Много – это потому, что войны Евпатора с Римом достаточно хорошо освещены в античной традиции. Царь Понта большую часть своей жизни воевал против республики, и поэтому именно этот период времени нам лучше всего известен. Мало – это потому, что сведения о ранних годах жизни Митридата и начале его царствования больше напоминают легенду, чем историческое исследование. У античных авторов нет связного повествования о борьбе Евпатора за власть в Понте и создании Черноморской державы. Об этом периоде сохранились лишь обрывочные сведения, большая часть которых имеется в «Географии» Страбона, в разделах, посвящённых региону Понта Эвксинского. В них учёный касается некоторых аспектов деятельности Митридата, а также рассказывает о походах его полководцев.

Уроженец понтийского города Амасьи Страбон (63 до н. э. – 23 гг. н. э.) был не только географом, но и историком. Но до нас дошла лишь его «География» в XVII книгах, а другая работа – «История» – не сохранилась, и об этом можно только сожалеть. Дело в том, что дед учёного по материнской линии в своё время входил в ближайшее окружение Митридата VI и Страбон наверняка знал множество подробностей из жизни знаменитого царя. Тем не менее в книгах VII (Истр, Германия, Таврика, Скифия) и XI (Кавказ, Гиркания, Парфия, Бактрия, Мидия, Армения) мы находим некоторые сведения о жизни и деятельности Евпатора. Это прежде всего данные о его войнах со скифами в Таврике и о борьбе за трон Боспорского царства. Также там содержится информация о боевых действиях на Кавказе. Как уже отмечалось, это период жизни царя наименее освещён в письменных источниках.

Совсем иную картину мы наблюдаем при изучении войн Митридата с Римом. Аппиан посвятил этой теме целый раздел, а у Плутарха первая и третья война изложены в биографиях Суллы, Лукулла и Помпея.

Аппиан Александрийский (умер в 70-е г. II в. н. э.) был греком по национальности, затем получил права римского гражданства и в дальнейшем занимал видный пост в администрации Египта. В своей «Римской истории» он хотел показать величие Римской державы, а также справедливость и закономерность установления римской власти над другими народами. Впрочем, не он первый, не он последний, кто старался подобную идею донести до читателей. Хронология произведения охватывала период от царских времён до современной историку эпохи. Свой труд Аппиан построил довольно своеобразно, поскольку описание событий у него происходило по этническому принципу. Автор рассказывал историю различных земель до их присоединения к Риму, в том порядке, в каком они попали под его власть. Из 24 книг до нас дошли целиком 6–8 и 12–17, а кроме того, от некоторых сохранились небольшие, а порой и довольно значительные фрагменты. Несмотря на то что Аппиан очень добросовестно отнёсся к своей работе, приводимые им факты иногда расходятся с данными других письменных источников. В частности, историк неточен с именами, датами, последовательностью событий и географическими именами. Для нас наибольший интерес представляет глава «Митридадовы войны», где главным героем является понтийский царь. Сделав краткий исторический обзор состояния

¹ Евпатор – Благородный.

дел в Малой Азии накануне вооружённого столкновения между Римом и Понтом, автор затем рассматривает причины и ход войн.

Рассказ Аппиана прекрасно дополняют биографии Плутарха, посвящённые тем римским полководцам, которые воевали против Митридата. Грек Плутарх, родом из Херонеи, живший в I в. н. э., был очень образованным человеком и талантливым писателем. Он занимал высокое положение в римской администрации. Городок Херонея, в котором проживал Плутарх, находится в Центральной Греции, в области Беотия. Как раз в тех местах, где шли ожесточённые бои во время первой войны Митридата против Рима. Причем одна из решающих битв произошла как раз в непосредственной близости от Херонеи, города, где жил писатель. Не будучи знатоком военного дела и обычно не уделяющий достаточного внимания боевым операциям, эти сражения Плутарх освещает на удивление подробно и грамотно. Вполне возможно, что делал он это на основании местных преданий и других сведений, о которых мог узнать в Херонее и её окрестностях. Недаром Плутарх отмечал, что пишет не историю, а биографии, откуда читатели должны черпать примеры того, чему надо подражать и чего следует избегать. Писатель любит пересказывать сплетни и анекдоты, но именно в его работах сохранилось множество ценных фактов, не упомянутых у других историков. Сулла, Лукулл, Помпей Великий – вот те полководцы, которые сражались с грозным царём и чьи биографии были составлены Плутархом. Сопоставив сведения Плутарха с рассказом Аппиана, мы получаем подробную и яркую картину противостояния Рима и Митридата.

Информацию о рождении, детстве и восхождении на трон Митридата, а также о его подготовке к войне с Римом нам сообщает Марк Юниан Юстин, римский историк, живший в III в. н. э. Юстин – автор извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка Помпея Трога. Сочинение это называлось «История Филиппа» и было посвящено отцу Александра, македонскому базилевсу Филиппу II. Извлечение Марка Юниана содержит обзор всемирной истории, но основное внимание он уделяет истории Македонии, а также событиям в Малой Азии. Временные рамки – от мифических времен до I века до н. э. Повествование Юстина отличается простотой и доступностью изложения, включает в себе много интересного, но не следует тщательной хронологической последовательности событий. Подвергнув труд Помпея Трога основательной переработке, Марк Юниан, подобно Плутарху, заостряет главное внимание на описании наиболее интересных и поучительных фактов, часто недостоверных, но передающих колорит эпохи. Это касается и тех сведений, которые автор сообщает о Митридате, о молодости царя и начале его правления. Хотя, как уже отмечалось, некоторые из этих известий носят легендарный характер. Особый интерес представляет речь Евпатора к своим войскам, в которой очень точно излагаются причины, побудившие царя к войне с Римом. Здесь перед нами однозначно имеет место антиримская традиция, которая присутствовала в труде Помпея Трога. Очень ярко показана хищническая сущность римского государства, именно такой, какой её видели зависимые и покорённые народы.

Также известия о войнах Митридата с Римом есть в трудах римских историков Веллия Патеркула и Луция Аннея Флора. Веллий Патеркул (19 г. до н. э. – 31 г. н. э.) старый вояка, служивший в своё время под знамёнами императора Тиберия, обожал своего командующего. Поэтому его «Римская история» с восхищением рассказывает о деяниях императора. «История» состояла из двух книг. В первой книге описывались события от основания Рима и до разрушения Карфагена и Коринфа, а во второй – от 146 г. до н. э. до битвы при Акции и завоевания Египта Октавианом. Уделил Патеркул достаточно внимания и понтийскому царю, признавая его достойным противником Римской республики и подчёркивая выдающиеся качества: *«В войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам Ганнибал»*. Что и говорить,

довольно лестная характеристика. Особенно если учитывать тот факт, что она исходит от римлянина, поскольку те традиционно очень негативно отзывались о своих врагах.

Луций Анней Флор (70—140 гг. н. э.) составил краткий обзор всех войн, которые вел Рим с древнейших времён вплоть до заключения мира с Парфией при императоре Августе. Полностью работа называется «Эпитомы Тита Ливия». Луций Анней родился в Африке. При императоре Домициане он переехал в Рим, затем какое-то время жил и преподавал в Испании и лишь при Траяне вернулся обратно в Италию. В «Эпитамах Тита Ливия» понтийскому царю посвящена глава «Война с Митридатом», в которой Флор, не вдаваясь в подробности, даёт сжатое изложение всего противостояния.

Особое место среди тех античных авторов, кто оставил сведения о легендарном царе, особое место занимает римский историк Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.). Крисп является автором исторических монографий «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также «Истории», от которой сохранились отдельные фрагменты. В них есть упоминания о Митридате VI. Кроме того, Саллюстий приводит очень важный документ – письмо Евпатора к парфянскому царю Аршаку. Это – классический взгляд на ситуацию с противоположной стороны фронта. Наглядная иллюстрация того, как люди, против которых была направлена римская агрессия, её воспринимали, и как планировали с ней бороться.

Необходимо отметить и греческого историка Мемнона, который жил на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. и оставил историческую хронику «О Геракле». Автор, уроженец этого города, находившегося на южном побережье Чёрного моря, прекрасно знал то, о чём рассказывал в своём труде. Для этого он использовал городские архивы, а также сочинения своих земляков-историков о войнах и походах Митридата Евпатора. Сочинение Мемнона частично сохранилось в выписках и извлечениях константинопольского патриарха Фотия, жившего в IX в. Тем не менее из труда Мемнона можно узнать очень много интересных фактов, о которых не упоминают другие античные авторы.

Также о Митридатовых войнах рассказывает римский историк Флавий Евтропий, занимавший видные посты в империи и бывший консулом в 387 г. н. э. Евтропий является автором краткой истории Рима в десяти книгах – от легендарных времен и до правления императора Валентиниана I, под названием «Бревиарий от основания города». Секст Юлий Фронтин (30—103 гг. н. э.), военный и политический деятель эпохи династии Флавиев, в работе под названием «Стратегемы» (Военные хитрости), также рассказывает о некоторых эпизодах противостояния Митридата и Рима. В капитальном труде великого римского историка Тита Ливия «История Рима от основания города» главы, посвященные войнам республики с царем Понта, до нашего времени не дошли. Но сохранились их периоды – краткие изложения, в которых также содержится интересная информация.

Натиск на Восток

Римская агрессия в регионе Восточного Средиземноморья в III–II вв. до н. э. стала настоящим бедствием для народов Балканского полуострова и Малой Азии. От тяжелой поступи легионов сотрясалась Ойкумена². Рушились государства, богатые и процветающие города стирались с лица земли, а сотни тысяч свободных людей были обращены в рабов и владели жалкое существование. Надменный и грубый народ с берегов Тибра объявил себя вершителем судеб человечества. И опирался он при этом только на одно право – право силы. То самое право, которое позволяет творить что угодно и с кем угодно до тех пор, пока не появится ещё более грозная сила.

Так же произошло и с Римской республикой. Её полководцы терроризировали соседние государства и народы до тех пор, пока не натолкнулись на неожиданный отпор. В целях грабежа и захвата новых земель, римляне углублялись всё дальше и дальше на восток, где и столкнулись с Парфянским царством. Парфяне, наследники боевых традиций Ахеменидов и скифов-парнов, приняли брошенный им вызов. В битве при Каррах римская армия вдребезги разбилась о сверкающую броню воинов катафрактов. Голова полководца Марка Красса полетела к подножию трона парфянского царя, а гордые римские орлы, перед которыми трепетали страны и народы, были выставлены в качестве трофея в столице Парфии Ктесифоне. Натиск на Восток был остановлен, а позор от этого поражения преследовал римлян на протяжении долгого времени. Но путь к этой победе над сыновьями волчицы, которые ограбили и поработили половину Ойкумены, был долгим, страшным и кровавым.

Кто только не выступал против римлян, кто только не встречался с ними на поле боя! Пирр Эпирский и Ганнибал, македонские цари Филипп V и Персей, правитель державы Селевкидов Антиох III Великий и Аристоник Пергамский. Все эти люди жили в разное время и располагали разными возможностями, но имели одну цель – остановить римскую агрессию. Однако всё было тщетно, и в силу различных причин эти попытки потерпели неудачу.

Первым, кто по-настоящему перепугал квиритов³, был царь Эпира Пирр, блестящий стратег и тактик, двоюродный племянник Александра Македонского. Идея создания на Западе монархии, подобной той, которую создал его великий родственник на Востоке, увлекла эпирского царя. И здесь римская агрессия против греческих городов на юге Италии пришлась Пирру очень кстати. Итальянские греки не могли противостоять планомерному натиску римлян, но призвав на помощь лучшего полководца эпохи, имели все основания рассчитывать на успех. И Пирр сначала их надежды оправдывал. Последовательный разгром двух римских армий чётко продемонстрировал всему миру, кто есть кто.

Но три причины свели на нет все усилия великого полководца. Во-первых, в отличие от своего двоюродного дядюшки, он не обладал должной последовательностью в достижении цели и часто, что-то успешно начав, бросал, не доведя до конца. Великий Македонец такой непоследовательностью не грешил. Наоборот, Александр любое свое начинание доводил до логического завершения. У Пирра же всё было наоборот. Получив приглашение от эллинов Сицилии помочь им в борьбе против Карфагена, царь посчитал свою миссию в Италии законченной и, переправившись на остров, ввязался в новую войну. Не доведя до ума и сицилийские дела, он вновь вернулся в Италию. Но пока царь метался туда-сюда, римляне оправились от разгрома и нанесли ему сокрушительное поражение.

Второй причиной, по которой Пирр потерпел неудачу, было то, что Эпир, служивший ему основной базой, обладал крайне скромными возможностями для проведения таких мас-

² Так древние греки называли обитаемый мир.

³ Квириты – римские граждане.

штабных мероприятий. Отправляясь в Италию, царь получил довольно серьёзную поддержку войсками и финансами из Македонии, но это было только один раз и в дальнейшем подобная благотворительность прекратилось. А сам по себе Эпир был не в состоянии вести длительную войну с Римской республикой, поскольку материальные и людские ресурсы противоборствующих сторон были просто несопоставимы.

Третья причина вытекала из второй. Нежелание итальянских греков нести тяготы войны сводило на нет все успехи эпирского царя. Эллины решили, что раз пришел Пирр, то пусть он и воюет, а их это уже не касается. Но царь так не думал, а потому затребовал от греков денег на содержание армии, а также стал проводить тотальную мобилизацию граждан. Собственных войск для борьбы с Римом Пирру было недостаточно, они могли лишь служить ядром будущей союзной армии. Всё это в дальнейшем привело к конфликту между царем и эллинами. Поэтому Пирр, в очередной раз бросив итальянские дела, метнулся на Балканы, где и увяз в войнах с македонцами. Реальнейший шанс остановить римскую агрессию в самом начале был упущен, а греческие города Италии были завоеваны квиритами. Но теперь возник закономерный вопрос – куда дальше эта агрессия будет направлена? На Восток или на Запад?

Легионы направились на Запад. Рим вступил в затяжное противостояние с Карфагеном, и на этом пути республику едва не постиг венный и политический крах. Легендарный Ганнибал, перевалив с армией через Альпы, развязал против римлян настоящий блицкриг. Разгромив вражеские армии в нескольких сражениях и завалив трупами легионеров, поле битвы у Канн, Баркид оказался в одном шаге от долгожданной цели. Но она так и осталась недостижимой. Никто и никогда не ответит на вопрос, почему великий полководец не пошёл на Рим и не уничтожил логово сыновей волчицы. Оставалось сделать последний шаг, но Ганнибал его не сделал. Гадать же, почему он так поступил, и строить на эту тему разные предположения – дело абсолютно неблагоприятное.

Карфагенский военачальник мог изменить весь дальнейший ход мировой истории, и тогда многие народы, как на востоке, так и на западе Средиземноморья, не испытали бы ужасов римской агрессии. Лично для него последствия этой ошибки сказались очень быстро, поскольку дальнейшая борьба Ганнибала стала просто длительной агонией. И поражение в этой войне он потерпел не в сражении при Заме, когда впервые был разгромлен в открытом бою, а там, на поле битвы у Канн, когда упустил реальный шанс уничтожить Римскую республику.

После того как капитулировал Карфаген, ситуация изменилась радикально. Запад был побежден, и легионы пошли на Восток. Для государств Восточного Средиземноморья и сотен тысяч людей, которые там проживали, начался суший кошмар, имя которому было – Рим.

Теперь в бой с агрессором вступили македонские цари, и римлянам пришлось вести три войны, чтобы сломить отчаянное сопротивление Македонии. Не было такой низости и подлости, к которой не прибегли бы римские сенаторы в этом противостоянии, их демагогическая политика переплюнула все международные нормы, которые до этого существовали. Филипп V яростно сражался как против римлян, так и их многочисленных союзников, которые взяли Македонию в огненное кольцо, отражая вражеские атаки с севера, юга, востока и запада. И потерпел он поражение в этой неравной схватке не потому, что македонская военная организация была хуже римской, а потому что на тот момент страна просто не располагала ресурсами для длительной и напряжённой борьбы.

Истощённая десятилетиями непрерывных войн, массовым оттоком на восток и гибелью в далеких походах боеспособного населения, Македония могла рассчитывать на победу только в одном случае – если за её спиной будет стоять союзная Греция. Но этого не случилось, и потому поражение Филиппа V становилось лишь вопросом времени. И если для некоторых монархов той эпохи неудача в отдельно взятом сражении не значила практически ничего, то царь Македонии подобной роскоши себе позволить не мог. Для Филиппа это было смерти подобно, поскольку новую армию ему было просто негде взять. Поэтому, когда в битве при

Киноскефалах македонцы были разбиты, базилевс был вынужден сложить оружие и согласиться на все условия римлян.

Его сын Персей находился в совершенно другой ситуации. Произошло это благодаря стараниям отца, который возродил страну из руин, а также очень разумной и грамотной политике самого Персея. Он был полностью готов к войне, располагал самой мощной армией в регионе, а Македония буквально ломилась от запасов оружия, продовольствия и золота. Для успешной борьбы с врагом Персей располагал всем, кроме одного – у него не было той железной воли и целеустремлённости, как у его отца, царя Филиппа.

Историю пишут победители. Римские историки вылили на последнего царя Македонии столько грязи, что просто удивляешься, как такой человек вообще мог оказаться во главе великой страны. И тем более наносить римлянам поражения на поле боя. Но если отбросить в сторону римскую патристическую чушь, а также личное отношение к царю греческих историков, и взглянуть на Персея непредвзятым взглядом, то мы увидим, что это был умный и толковый правитель, прекрасный администратор и грамотный военачальник. В любое другое время Персей был бы идеальным монархом для своей страны, а как полководец он мог успешно противостоять эллинистическим и варварским армиям. Но так случилось, что ему пришлось стать у кормила власти в страшную годину римского нашествия.

Последний царь Македонии справился бы с любым врагом, но только не с тем, самым страшным и опасным во всей Ойкумене, с которым ему пришлось воевать. Всё, что Персей смог сделать для защиты своей страны, он сделал. Несколько раз ему даже удалось разгромить римлян в открытом бою, но тот тяжкий груз ответственности, что рухнул на плечи базилевса, буквально раздавил его. Он просто не выдержал нечеловеческого напряжения. И это обернулось не только его личной трагедией, но и трагедией всей Македонии. Персей погиб в римском плену, македонская монархия была уничтожена, а некогда великое царство разделено на ряд независимых республик. Однако народ Македонии, помнивший своих великих царей и гордившийся славой предков, не смирился с иноземным господством и снова поднялся на борьбу. Восстание самозванца Андриска, объявившего себя сыном царя Персея и поднявшего народ против Рима, иногда называют IV Македонской войной (150–148 гг. до н. э.). Шансов на конечный успех у македонцев практически не было, но их мужество и доблесть в этой критической ситуации вызывают уважение. Но только не у римских историков, воспевающих героическое прошлое своего народа – хищника.

Здесь хотелось бы отметить вот какой момент. Очень часто исследователи предпочитают умалчивать о тех преступлениях, которые совершали римляне во время своих многочисленных захватнических войн. Однако, когда те же самые злодеяния совершают враги республики, негодованию поборников римских добродетелей нет предела. Если македонский царь Филипп V захватывает и разрушает греческие города, то его объявляют извергом и врагом рода человеческого. Но когда это же самое делают римляне, их апологеты смотрят на подобные проделки мягко и снисходительно. Объясняя всё тем, что иного выбора не было у справедливых и благородных квиритов, а глупые греки сами пользы своей не понимали. Сдались бы сразу, и было бы им счастье. Поэтому погром в Сиракузах и убийство Архимеда остаются в тени, а разгром Абидоса македонским царём вспоминают при каждом удобном случае. То же самое касается Митридата. У римских обожателей всегда и везде виноват царь Понта. О том, что творили озверелые легионеры, вместе со своими военачальниками, они стараются умолчать. Такие вот двойные стандарты получаются...

Причем началось всё это не в наши дни. Ещё в XIX в. немецкий историк Т. Моммзен всячески превозносил многочисленные римские добродетели, применительно к внешней политике республики в эпоху больших завоеваний. Забавно, что и сегодня находятся люди, которые верят в эти душещипательные сказки, искренне восхищаясь римскими военными и политическими деятелями, которые по доброте душевной, не преследуя никаких корыстных целей,

начали войну с македонцами за освобождение Греции. Не знаю, из чего такие исследователи исходят, но свою кровь за просто так никто проливать не будет, и особенно такой прагматичный народ как римляне.

Что же касается римских полководцев, которые преклонялись перед культурой Эллады, то это вовсе не означает, что они также хорошо относились и к народу, который был носителем этой самой культуры. Когда неотесанный солдафон Муммий сровнял с землёй прекрасный греческий город Коринф, с него и взять-то было нечего, даже римский историк Веллий Патеркул открыто потешался над его невежеством. Другое дело, те из римлян, которые своё эллинофильство выставляли напоказ, декларируя его при каждом удобном случае. Хотя в отношении к грекам их дела доказывали как раз обратное. А. П. Беликов справедливо отметил, что факты свидетельствуют о том, что приходится говорить о *«преступлениях филэллинов против эллинов»*. Вот что он написал по поводу личности, вокруг которой слышатся восторженные охи и ахи некоторых историков: *«Фламинин, человек греческой воспитанности, идеализировавший греков и восторженно относящийся к их культуре, разграбил Эретрию и Элатею. Греколюбивый и гуманный римлянин хотел уничтожить всю Беотию и до вмешательства ахейцев успел-таки совершить карательный поход на Коронею. Его действия не отличаются от поступков его предшественников, он охотно использовал террор, а его политику нельзя назвать новой или мягкой»*.

Примеров аналогичных действий и других римских военачальников при желании можно найти предостаточно. Однако это касалось собственно эллинов, культурой которых некоторые из квиристов восхищались. Но что же тогда пережили другие народы, перед которыми грубые завоеватели не испытывали духовного трепета?

Страшный мировой кризис, начало которого ознаменовало восстание Андриска в Македонии, завершился в 146 г. до н. э. завоеванием Греции и уничтожением двух величайших городов Средиземноморья. На западе римляне стерли с лица земли Карфаген, на востоке разрушили до основания Коринф. И оправданий для этого варварства нет. Поэтому вполне объяснима та ненависть, которую эллины всегда питали к сыновьям волчицы. Неслучайно они смотрели на квиристов сверху вниз, считая варварами и мечтая о независимости Эллады. Именно эта ненависть в дальнейшем приведёт греков под знамёна Митридата Евпатора, а самого царя эллины будут встречать как Освободителя.

* * *

Независимость балканских греков Рим прихлопнул железной рукой. Однако, одновременно с войнами на Балканском полуострове, республика развязала агрессию и в Малой Азии. Первым, кто здесь столкнулся с римлянами на поле брани, был Антиох III Великий, правитель огромной державы Селевкидов. Располагая мощнейшим флотом и могучей армией, а также превосходным военным советником в лице Ганнибала, царь умудрился бездарно провалить все военные операции. Хотя сам план кампании, который он предложил, был довольно неплох – вести войну на чужой территории, для чего было решено перенести военные действия в Грецию. Идея была хороша, но то, как она приводилась в жизнь, не выдерживает никакой критики. Создается впечатление, что Антиох пустил все дела на самотёк, а сам оставался лишь сторонним наблюдателем.

Так называемая Сирийская война продолжалась с 192 по 188 г. до н. э. и закончилась полным военным крушением державы Селевкидов. Примечательно, что такому печальному финалу в немалой степени поспособствовал сам Антиох. В отличие от македонского базилевса Филиппа V, который продемонстрировал удивительную стойкость и мужество в борьбе с римской агрессией, Антиох после первых же неудач впал в уныние, запаниковал и провалил всё дело. По сравнению с маленькой Македонией держава Селевкидов располагала колоссальными

ресурсами, но её царю это впрямую не пошло. Молниеносный разгром Антиоха, за славные дела прозванного Великим, потряс воображение современников. После такой катастрофы государство Селевкидов было вычеркнуто из числа великих держав и начало неуклонно катиться вниз.

Ещё более плачевный конец был у Пергамского царства. Его правители, начиная с Аттала I, проводили проримскую политику в Восточном Средиземноморье и считались вернейшими союзниками республики в регионе. Именно они в немалой степени способствовали тому, что Рим вмешался в дела на востоке. Сенаторы были благосклонны к Атталидам и всячески их поощряли за счет соседей, в результате чего территория Пергамского царства значительно увеличилась. Что же касается царей Пергама, то они всё это воспринимали как должное. За что в итоге и поплатились. Забыв простую истину про бесплатный сыр и мышеловку, они с помощью римских друзей настолько усилили своё царство, что мудрецы на берегах Тибра задумались: а стоит ли продолжать в том же духе?

Первый тревожный звонок прозвучал очень скоро. Для Эвмена II, который плечом к плечу вместе с римлянами сражался против Антиоха Великого в битве при Магнесии, был специально придуман закон, запрещающий царям вступать в Рим. С одной стороны, сенаторы просто не хотели его видеть, но с другой стороны, не хотели идти на открытый разрыв. Эвмен всё прекрасно понял. Однако плевков стерпел, поскольку поделаться уже ничего не мог, развернулся и отбыл обратно в Пергам.

К Пергамскому царству римляне подбирались исподтишка, незримо опутывая его своей паутиной. Апофеозом их деятельности стало устранение последнего царя Аттала III и истолкование по праву сильного его завещания в свою пользу. Несмотря на то что Аттал завещал республике лишь свои личные владения, сенаторы повели дело так, что будто бы он завещал им ВСЁ царство. Не было в те времена пределов римской наглости, цинизму и жадности! Захватывая независимое государство с помощью сомнительных махинаций, они явно перешагивали все пределы допустимых норм того времени. Потому что одно дело принять по завещанию личные владения царя, и совсем другое наложить лапу на всё царство, где проживали сотни тысяч свободных людей, которые не желали иметь ничего общего с римскими варварами. Вот тогда и произошёл сильнейший взрыв народного возмущения, который потряс всю Малую Азию (131–129 гг. до н. э.).

* * *

Борьбу против Рима возглавил побочный сын пергамского царя Эвмена II и сводный брат Аттала III Аристоник, который чувствовал себя обделенным, поскольку сенаторы не принимали в расчёт его права на престол. Но с другой стороны, население Пергамского царства не желало жить под властью иноземцев. В итоге интересы народа и Аристоники пересеклись, и началось мощнейшее движение против римского владычества в Малой Азии. Претендента на трон поддерживали некоторые города Эгейского побережья, но были и такие (например, Эфес), которые выступили на стороне Рима. Однако Аристоник нанёс ряд поражений гражданским ополчениям этих городов, *«которые из страха перед римлянами не хотели перейти на его сторону»* (Юстин).

Повстанцы заняли солидную территорию, и Аристоник уже считал себя царём освобождённого Пергама. Но всё было не так просто. Сначала он потерпел поражение в морском бою, а затем и вовсе был отброшен от моря вглубь страны. Появилась большая вероятность того, что движение захлебнётся. Но Аристоник быстро нашёл выход из трудного положения, и не только собрал новое войско, но и значительно расширил социальную базу восстания. По сообщению Страбона, он *«быстро собрал толпы бедняков и рабов, привлечённых обещанием свободы»*. Однако у подобного действия была и другая сторона медали. Привлекая к себе народные массы

обещаниями свободы, Аристоник настроил против себя малоазийских династов, ибо те узрели в его действиях смертельную опасность для себя лично.

В итоге против восставших образовалась мощная коалиция. Её возглавили Митридат V Эвергет Понтийский, Пилимен Пафлагонийский, Ариарт V Каппадокийский и Никомед II Вифинский. Их армии начали военные действия против Аристоники. Когда же в Малой Азии высадились римские легионы под командованием Публия Лициния Красса и соединились со своими союзниками, то многим показалось, что песенка Аристоники спета. Но произошло то, чего никто не ожидал. В битве при Лейке армия повстанцев наголову разгромила войска враждебной коалиции, а голову римского командующего фракийские наёмники бросили в пыль к ногам Аристоники.

Это был неслыханный успех, но он оказался и последним. В далёком Риме с тревогой наблюдали за развитием событий в Малой Азии, но в то же время в сенате присутствовала твёрдая уверенность в успехе экспедиции Красса. Однако когда весть о катастрофе достигла берегов Тибра, там очнулись от благодушной дремы и начали действовать быстро и решительно. Консул, Марк Перперна, привёл в Анатолию новые легионы и, в нескольких сражениях разгромив Аристонику, заблокировал его в крепости Стратоникее. Не имея возможности овладеть ей штурмом, римский полководец голодом вынудил восставших открыть ворота и капитулировать.

Но даже после пленения предводителя восстания борьба продолжалась. Новый консул Маний Аквиллий, прибывший на смену умершему Перперне, велел отравить источники и колодцы на занятых повстанцами территориях. Действуя такими методами, он одержал победу. Затем началась расправа. Аристонику отправили в Рим и там задушили по приказу сената, а десятки тысяч участников восстания были проданы в рабство. Бывшее некогда независимым, Пергамское царство стало римской провинцией Азия. Эпоха великих царей закончилась, наступила эпоха господства сената.

* * *

Сказать, что население новой провинции Азия ненавидело римлян – значит ничего не сказать. Квиристов не просто ненавидели, их ненавидели люто, до зубовного скрежета, ожидая лишь удобного случая, чтобы взяться за оружие и вышвырнуть оккупантов обратно за море. Некогда свободную страну римские откупщики и ростовщики накрепко опутали долговой паутиной. Итальянские купцы прихлопнули местную торговлю, а поборы и налоги наместников подорвали благосостояние населения. По сравнению с римским гнётом, времена правления своих законных царей воспринимались местным населением едва ли не как пора Золотого века. Поэтому вполне понятно, как люди смотрели на своё нынешнее положение и как относились к римлянам.

Да и за что было любить этих самодовольных и наглых иноземцев, которые раздуваясь от чувства собственной значимости нагло диктовали свою волю народам Малой Азии? Римское политическое влияние в регионе заметно усилилось, и правители соседних государств пальцем теперь не смели пошевелить без сенатского соизволения. Римляне совали свой нос везде и всюду, вмешивались во все споры и конфликты, а заодно следили за тем, чтобы, не дай боги, кто-то из царей не усилился. Это стало основной целью их дипломатии, навязчивой идеей, и местным правителям приходилось сильно изворачиваться, чтобы не вызвать подозрений у могущественного соседа.

Таким был этот мир, когда в него пришёл Митридат.

Схватка за власть

В небе пылала комета. Была она сначала малой величины, но поднимаясь по небесному своду, выросла до невиданных размеров. Когда же достигла она пояса весеннего равноденствия, то закрыла ярким хвостом своим Млечный Путь. И проходило между её восходом и заходом четыре часа. Обещала она огонь и кровь, войну и смерть, гибель царей и крушение могучих держав. С ужасом смотрели люди на небо. Но именно в эти страшные дни у понтийского царя Митридата V Эвергета родился сын, которого тоже называли Митридатом. Шёл 134 г. до н. э.

* * *

Понт – это область на северо-востоке Анатолийского полуострова, омываемая с севера волнами Понта Эвксинского⁴. Если посмотреть на карту, то мы увидим, что большая часть страны покрыта горами, где природа носила дикий и первозданный характер. Страна была богата лесом, а из полезных ископаемых железом. Именно в Понте проживали легендарные племена черноморских халибов, которые разрабатывали железные рудники и владели секретом халибской стали. В горных долинах и на прибрежных равнинах жители выращивали пшеницу, просо и занимались пчеловодством.

Само Понтийское царство граничило на западе с Вифинией, на востоке с Великой Арменией, а на юге с Малой Арменией, Каппадокией и Галатией. Что в принципе создавало определённые проблемы для понтийских царей, поскольку граница была протяжённой и соответственно доступной для вторжений врага. Во времена владычества Ахеменидов Понт был сатрапией, но после того как держава персов рухнула под ударами армии Александра Македонского, ситуация изменилась. Первым понтийским царём стал Митридат I, перс царского рода, который во времена войн диадохов поддерживал Антигона Одноглазого, но затем покинул его и ушёл в Каппадокию. Уже оттуда Митридат перебрался в Понт, где и сумел закрепиться.

Это было тревожное время. В Малой Азии гремели войны диадохов, тысячи людей гибли на полях сражений, в пламени пожаров рушились города, а поля вытаптывались копытами вражеских коней. Но на севере Анатолии было спокойно. Как следствие, во владения Митридата, спасаясь от ужасов войны, пришло очень много народу, а царь этим очень грамотно воспользовался. В дальнейшем Митридат I значительно увеличил территорию своего молодого государства. Подводя итоги деятельности первого понтийского царя, Аппиан отметил следующее: *«Сильно увеличив свою власть, он передал ее своим детям, и они царствовали один за другим вплоть до шестого Митридата, который вступил в войну с римлянами»*. После Митридата I правили Ариобарзан Понтийский, Митридат II, Митридат III, Фарнак I, Митридат IV, Филопатр⁵ и Митридат V Эвергет, отец Митридата VI Евпатора.

Особенно усилилось понтийское царство за время правления царя Фарнака I (умер в 169 г. до н. э.). Он присоединил к Понту большую часть Южного Причерноморья и захватил ряд греческих городов – Синопу, Амис, Армену, Киторос, Котиору, Керасунт, Трапезунт. В 183 г. до н. э. Фарнак перенес столицу царства из Амасии в Синопу, большой и богатый приморский город. Одновременно Фарнак повёл затяжную борьбу с Каппадокией, Вифинией и Пергамом за усиление понтийского влияния в Малой Азии. Но столкнувшись с мощной коалицией и явно недоброжелательной позицией Рима, который поддержал его врагов, Фарнак был вынужден отступить.

⁴ Понт Эвксинский – так греки называли Черное море.

⁵ Филопатор – Любящий отца.

Но уже его сын, Митридат V Эвергет⁶ (правил в 150–123 гг. до н. э.) вёл совсем другую политику. Он не только вступил в дружбу с римлянами, но оказал им военную поддержку во время III Пунической войны, отправив под стены Карфагена несколько кораблей с десантным отрядом. Понятно, что столь незначительные силы не могли оказать никакого влияния на ход боевых действий. Однако сенаторы оценили этот знак доброй воли со стороны Эвергета. В дальнейшем Митридат V оказал римлянам куда более значимую помощь, когда отправил свои войска против Аристоники Пергамского. После подавления восстания в Пергаме сенат щедро наградил Эвергета, передав ему Великую Фригию (земли в центральной части Малой Азии, в районе современной Анкары).

Понтийское царство усиливалось, влияние Митридата V в регионе росло. Свою дочь Лаодику он выдал замуж за царя Каппадокии Ариарата VI Епифана, сведя к минимуму возможность конфликта между двумя государствами. Но теперь уже в Риме стали с опаской смотреть на усилившуюся мощь Понта. Судя по всему, некоторые основания для этого у сенаторов были. Дело в том, что лучший стратег и доверенное лицо Митридата V, Дорилай Тактик в это время был на Крите, где занимался вербовкой наёмников для понтийской армии. Однозначно, что наёмники Эвергету были нужны явно не для того, чтобы сидеть в казармах и протирать штаны. Они были очень дорогим удовольствием, и не каждый правитель мог себе позволить их содержать. И раз они потребовались понтийскому царю, значит, он собирался их где-то использовать. В Риме справедливо полагали, что театром предполагаемых боевых действий станет Малая Азия. Между тем республика только что подавила восстание Аристоники на территории бывшего Пергаского царства и её позиции в регионе были ещё недостаточно прочными. А теперь ещё понтийский царь забряцал оружием! Ситуация становилась очень тревожной и непредсказуемой.

Однако римляне действовали очень осторожно. Воевать в данной ситуации квириды не хотели, а потому пошли другим путем. Есть царь – есть проблема, нет царя – нет проблемы. Вполне вероятно, что римские агенты проникли в ближайшее окружение Эвергета, где и был составлен заговор. Об этом прямо пишет Страбон: *«Евергет изменнически убит в Синопе “друзьями”, составившими против него вероломный заговор»*. Не исключено, что в нем была замешана и жена Митридата V Лаодика.

Жена Эвергета была личностью примечательной. Её отец, Антиох IV Эпифан⁷ был последним действительно великим правителем державы Селевкидов. После страшного поражения в войне с Римом своего отца, Антиоха III Великого, Эпифан сумел на некоторое время восстановить былую мощь страны. Проведя ряд удачных военных кампаний против египетских Птолемеев, Антиох IV чуть было не аннексировал Египет, которое спасло только поспешное вмешательство римлян. После смерти Эпифана на престол вступил родной брат Лаодики Антиох V Евпатор, но просидел на нём всего два года, поскольку был убит своим двоюродным братом Деметрием I Сотером⁸. Впрочем, Деметрия в свою очередь сверг самозванец Александр Балас, выдававший себя за сына Антиоха IV Эпифана. Однако через пять лет Балас потерпел поражение и погиб в войне против сына Деметрия Сотера, Деметрия II Никатора⁹. Как видим, супруга Митридата V была очень хорошо знакома со всеми тонкостями борьбы за власть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Лаодика могла принять участие в заговоре против мужа. Недаром после смерти Эвергета вся верховная власть регентши при малолетних детях досталась именно ей. Но есть ещё одно косвенное указание на её причастность к убийству.

⁶ Эвергет – Благодетель.

⁷ Эпифан – Славный.

⁸ Сотер – Спаситель.

⁹ Никатор – Победитель.

Дело в том, что реакция Дорилая Тактика, который продолжал вербовать наемников, на события в Синопе была потрясающей: *«Услышав, что власть по наследству перешла к его вдове и детям, он отказался ввиду такого положения от возвращения на родину и остался в Кноссе»* (Страбон). Поэтому возникает закономерный вопрос: почему стратег предпочел остаться на острове Крит и побоялся вернуться на родину?

На мой взгляд, ответ лежит на поверхности. Дорилай знал, что с приходом к власти Лаодики последует перемена политического курса в стране. И если он вернется в Синопу, то в лучшем случае отправится вслед за своим повелителем, а в худшем угодит в пыточный подвал, где ему будет задан ряд вопросов. И есть большая вероятность того, что эти вопросы будут задавать римляне. В любом другом случае Тактик вернулся бы в Понт, где у него были земли и положение в обществе.

Деятельность Лаодики в качестве регентши также указывает на то, что в убийстве Эвергета были замешаны и квириды. Во-первых, Понт отказался от активной внешней политики в Анатолии, что само по себе было для республики великим благом. Римляне вплотную занимались устройством своей новой провинции Азия, как стало называться бывшее Пергамское царство, и поэтому потрясения в регионе им были не нужны. С другой стороны, Великая Фригия, которую сенат пообещал Митридату V, так и не вошла в состав Понтийского царства, поскольку после убийства царя её никто и не требовал. Недаром впоследствии Митридат Евпатор бросил римлянам упрек в том, что *«они отняли у него, бывшего еще ребенком, Великую Фригию, которую они же в свое время уступили его отцу, как награду за помощь против Аристоника»* (Юстин). Как видим, выгода от устранения Эвергета была для сенаторов налицо.

Что же касается Лаодики, то забросив внешнеполитические дела, она занялась строительством новой столицы, которую и назвала достаточно символично – Лаодикея. Таким образом, она четко обозначила свои дальнейшие намерения и наглядно продемонстрировала, у кого власть в стране. Понтийское царство медленно, но верно стала скатываться вниз, утрачивая свои позиции в Малой Азии, поскольку оказалось пристегнутым к колеснице римской политики. Однако были в государстве здоровые силы, которые не хотели мириться с таким положением дел. Были люди, для которых независимость и честь своей родины не были пустым звуком. Но им был нужен лидер, который бы объединил всех недовольных существующим порядком, вдохновил на борьбу и повёл за собой. И когда такой человек появился, то его поддерживала вся страна. Это был сын убитого Митридата Эвергета, молодой царь Митридат VI Евпатор.

* * *

Как и положено величайшему герою, рождение Митридата сопровождалось различными знаменами и пророчествами. Трудно сказать, какие из них случились в реальности, а какие были придуманы задним числом. Достаточно вспомнить, чего только в своё время не насочиняли по поводу рождения Александра Македонского, и тенденция становится налицо. Хотя наличие кометы как раз и есть реальный факт. Однако были и другие предзнаменования.

Плутарх в «Застольных беседах» рассказывает о том, что когда Митридат был младенцем, то его пеленки сожгла молния, не оставив на теле никакого следа. Лишь на лбу остался незначительный ожог, который Евпатор скрывал волосами. Развивая тему, ученый грек говорит о том, что когда базилевс был уже в зрелых годах, в комнату, где он спал, ударила молния и сожгла стрелы в висевшем рядом колчане. Именно после этих случаев Митридата стали называть Дионисом. Сходство с этим богом ближайшее окружение царя усмотрело в ударах молнии. Ведь согласно мифу, когда Семела была беременна Дионисом, она погибла от удара молнии Зевса. Однако её сын от этой же молнии получил бессмертие. Вполне возможно, современники считали, что Митридат, как и Дионис был неуязвим для молнии.

Митридат очень гордился своим происхождением. Евпатор говорил о том, *«что среди предков со стороны отца он может назвать Кира и Дария, основателей Персидского государства, а со стороны матери он происходит от Александра Великого и Селевка Никатора, основателей Македонской державы»*. Его прадедом по материнской линии был легендарный Антиох III Великий, который первым из царей Азии встретился с римлянами на поле боя.

О детстве и юности будущего непримиримого врага Рима сведений сохранилось немного. Вполне возможно, что некоторые из них носят легендарный характер и были навеяны семейными преданиями Ахеменидов, потомком которых был молодой царевич. С другой стороны, ничего фантастического в этих сведениях тоже нет, и потому безоглядно отвергать их не следует. Вне всякого сомнения, Митридат получил отличное эллинское воспитание, был образованным и начитанным человеком: *«Он любил эллинскую культуру, поэтому он знал и выполнял эллинские религиозные обряды; любил и музыку»* (Аппиан). Но вот что примечательно. Дело в том, что под внешним блеском эллинистического принца скрывался истинный Ахеменид, жестокий, коварный и непреклонный. В зависимости от политической ситуации, Митридат мог объявлять себя покровителем эллинов и наследником Александра, или же наоборот, придерживаться восточных традиций и вести себя как Дарий Великий или Ксеркс. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Как уже отмечалось, после убийства Эвергета управление государством оказалось в руках матери Митридата и её советников. Причем расставаться с властью Лаодика не собиралась, несмотря на то, что рядом подрастал сын, законный наследник Митридата V. Страбон конкретно указывает, что у Эвергета было двое сыновей и *«унаследовал царство Митридат, прозванный Евпатором, 11 лет от роду»*. Не исключено, что регентша имела план, как избавиться от собственного сына, поскольку опекуны, которых она к нему приставила, явно не желали царевичу добра. Примеров подобного отношения матерей к своим детям среди эллинистических монархий можно найти немало. Поэтому, назначая наставников юному Митридату, Лаодике было достаточно одного намека, чтобы верные люди поняли её с полуслова. Но с другой стороны, именно опекуны и стали бы крайними, если вдруг с царевичем случится что-то нехорошее.

А нехорошее могло случиться очень легко. Наиболее простым и безопасным способом устранения наследника можно было считать его гибель во время воинских упражнений. Либо необъезженный конь понес, либо копье не туда полетело. Много было вариантов. Поэтому, когда читаешь о том, в каких условиях происходило обучение Митридата ратному мастерству, невольно напрашивается сравнение с гладиаторской школой. Малейшая ошибка с его стороны – и смерть.

Но все эти происки имели обратный результат. Молодой человек не погиб, как хотели бы многие, а наоборот, стал великолепным бойцом и прекрасным наездником. Недаром Юстин, рассказывая о том, как Митридат обучал своих воинов, и при этом лично принимал участие в тренировочных боях, называет его *«непобедимым»*. О великолепной физической подготовке Евпатора свидетельствует и Аппиан: *«Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми»*. Гай Саллюстий Крисп отмечает, что *«Митридат был огромного роста и был соответственно вооружен»*. Царевич мог вполне постоять за себя, и поэтому убийцам пришлось изменить тактику. Наследника решили просто отравить.

Но и здесь нашла коса на камень. История о том, как Митридат с юности принимал яд в маленьких количествах и стал невосприимчивым к отраве, давно уже стала легендой. Но, тем не менее, это исторический факт, который зафиксировал Плиний Старший: *«Только ему пришлось в голову ежедневно, предварительно приняв обезвреживающее лекарство, пить яд, чтобы*

этот последний в силу привычки сделался безвредным; прежде всего Митридатом открыты виды противоядий, из которых одно даже сохраняет его имя: он придумал подмешивать к противоядиям кровь понтийских уток, так как эти последние будто бы питаются ядовитыми веществами; существуют написанные для него книги прославленного врачевным искусством Асклепиада, когда тот, будучи вызван им из Рима, послал их взамен в качестве наставлений. Как известно, Митридат единственный из всех людей умел говорить на двадцати двух языках и в течение 56 лет своего царствования он ни к одному человеку из подвластных ему племен ни разу не обратился через переводчика».

Как видим, для понтийского царя это было не просто некое увлечение, позволяющее скоротать время. Евпатор настолько серьёзно занимался темой ядов, что достиг на этом поприще серьезных успехов и стал пользоваться определенным авторитетом в научных кругах. Об этой стороне деятельности Митридата нам тоже поведал Плиний Старший: *«Таким образом, Митридат, в соответствии с прочими выдающимися качествами своего ума, в особенности интересовался медициной и, собирая по отдельности сведения у всех своих подданных, населявших значительную часть земли, оставил в своей потайной комнате шкаф с такого рода документами, с образцами лекарств и описанием их действия. Помпей, овладев всей царской добычей, поручил своему вольноотпущеннику грамматiku Ленею перевести их на наш язык и, таким образом, своей победой не менее послужил пользе жизни, нежели государству».*

Как следствие, Митридат настолько поднатерел в науке об отравляющих веществах и так приучил к ядам свой организм, что когда решил добровольно уйти из жизни, то яд на него не подействовал. Но это произойдёт через много десятков лет. В итоге, попытка устранить царевича с помощью яда потерпела неудачу. Но помимо отравления есть много других средств отправить человека к предкам, и чтобы спасти будущую надежду Понта, было решено вывести Митридата из столицы.

О том, что происходило с Митридатом после бегства из царского дворца, нам рассказывает Юстин. Судя по всему, дело было обставлено так, что наследник чрезмерно увлекся охотой, что было, в общем-то, в порядке вещей. Митридат громогласно объявил на весь дворец, что решил поохотиться, спокойно выехал за городские ворота и после этого очень долгое время не возвращался в Синопу. Вполне возможно, что его и пытались потом вернуть, но царевич действовал с невероятной ловкостью и изобретательностью. Для преследователей Евпатор был неуловим. *«В течение семи лет он ни одного дня не провел под крышей ни в городе, ни в деревне. Он бродил по лесам, ночевал в разных местах на горах, так что никто не знал, где он находится. Он привык быстро убегать от диких зверей или преследовать их, а с некоторыми даже мерился силами. Таким способом он и козней врагов избегал, и тело свое закалил для перенесения доблестных трудов»* (Юстин).

Если присмотреться, то можно увидеть, что подобное уже происходило с другим великим царём древности – Киром Великим. Создатель державы Ахеменидов тоже долгие годы скрывался от своих врагов, проживая в горах, в хижине пастуха. А когда пришло время, вернулся в блеске славы и расправился с недругами. Однако не надо думать, что Митридат скитался в гордом одиночестве. Были с ним люди, на которых можно было положиться. Были телохранители, были осведомители. Ведь Евпатору необходимо было знать обо всем, что происходит в столице, а поскольку ему туда ход был заказан, то кто-то должен информировать наследника. Скорее всего, небольшой отряд разбивал лагерь в труднодоступных местах и оставался там до тех пор, пока кто-либо из местных жителей или шпионов Лаодики не обнаруживал стоянку. После этого Митридат и его немногочисленные воины искали себе другое место для пристанища.

А. И. Немировский выдвинул версию о том, что некоторое время Митридат скрывался на Боспоре Киммерийском, где был радушно принят царем Перисадом V. Но вряд ли эта теория

состоятельна. Если бы такой факт имел место быть, то античные авторы однозначно бы о нем упомянули. Но нет, пишут, что скитался царевич по своей стране.

Е. А. Молев предположил, что Митридат прятался у царя Малой Армении Антипатра, который по достижении беглецом совершеннолетия помог Евпатору вернуть отцовское наследство. А когда его протеже утвердился на престоле, то добровольно передал Митридату свои владения, поскольку не имел прямых наследников. В принципе, ситуация аналогичная бегству Митридата на Боспор Киммерийский – всё то же самое, только вид сбоку. Утверждать наверняка ничего нельзя, поскольку никаких сведений в письменных источниках об этом не сохранилось. Вряд ли власть в Понте Митридат вернул при помощи войск Антипатра, поскольку здесь ключевым моментом являлась поддержка законного наследника Эвергета внутри страны.

Есть большая вероятность того, что здесь своё решающее слово сказала армия, поскольку, если судить по тому, что приключилось с Дорилаем Тактиком, военным ничего хорошего ждать от Лаодики не приходилось. Раз у государства нет активной внешней политики, то зачем тогда ему тратиться на армию? Соответственно, всё это било как по командному, так и по рядовому составу. С другой стороны, недовольство могли выражать и торговые круги Понта, которым усиление торговой конкуренции со стороны римских купцов было очень невыгодно. Все это в совокупности и могло привести к тому, что отстранение от власти Лаодики стало вопросом времени. В 116 г. до н. э. Митридат возвращает себе царство отца.

Всё, что случилось с ним в эти годы, приучило молодого базилевса очень серьезно относиться к своей безопасности и навсегда сделало подозрительным по отношению к окружающим. Об этом сохранилось свидетельство Плиния Старшего: «...*Митридат, величайший из царей своего времени, которого разбил Помпей, большие всех своих предков заботился о своей жизни, что, кроме молвы, известно и по фактам*».

* * *

И снова в небе пылала комета. Пылала так ярко, что людям на земле казалось, будто небеса залило огнём и боги начали новую войну с гигантами. Закрыв четвертую часть небосвода, своим блеском звезда затмевала солнечный свет, вселяя в народы страх и отчаяние, пугая как бедняков, так и царей. Семьдесят дней горела она, предвещая великие бедствия и потрясения. В эти судьбоносные дни Митридат Евпатор прибыл в Синопу.

* * *

Возвращение законного правителя было триумфальным, поскольку никто в стране не захотел сражаться за регентшу. Население Понта видело, что власть в государстве медленно, но верно прибирают к рукам римляне, а примеров того, как живут под их властью другие народы, было предостаточно. Отношение к сыновьям волчицы было самое негативное, обогащаться их ценностями никто не желал. Поэтому, когда началась расправа над врагами молодого царя, это было воспринято как должное и не вызвало никакого возмущения.

В отличие от многих правителей эпохи эллинизма, Митридат не стал убивать свою матушку, а просто посадил её в тюрьму, изолировав от общества не в меру активную женщину. Правда, Саллюстий пишет следующее: «*Митридат вступил на царство в ранней юности, после того как мать его была отравлена ядом*». Однако здесь есть один тонкий момент. Дело в том, что в дальнейшем историк называет в числе убитых родственников не мать, а сестру, которую Евпатор убил вместе с братом Хрестом. Сестру, так же как и мать, звали Лаодикой, и нет ничего удивительного в том, что могла произойти путаница, поскольку сестру Евпатор как раз и убьёт. Но об этом будет рассказано чуть позже.

Что же касается убийства брата, то есть большая вероятность того, что после отстранения от власти Лаодики именно Хрест стал знаменем для проримской партии в Понте. Расправляясь с ним, Митридат, с одной стороны, устранял конкурента, а с другой – лишал римских союзников возможности поставить во главе страны своего человека. Новый базилевс всегда помнил о судьбе отца. Разгром проримской партии означал резкое изменение всей внешней и внутренней политики Понтийского царства. В Риме это сразу почувствовали, и отцы-сенаторы беспокойно заёрзали на своих насиженных местах.

Митридат между тем сделал довольно хитрый ход. В лучших традициях эллинистических монархов и Ахеменидов он женился на своей сестре Лаодике, тем самым стараясь укрепить своё положение на троне. Таким образом, во главе государства оказался молодой, умный и деятельный царь, прекрасно знающий, что надо его стране. И здесь, надо думать, большую роль сыграло то, что за годы скитаний Евпатор исходил своё царство вдоль и поперек. А заодно пополнил и багаж знаний. Об этом свидетельствует тот факт, что базилевс знал множество языков и мог разговаривать с любым своим подданным на его наречии: *«Митридат был единственным из смертных, говоривший на 22 языках, и что в течение своего 56-летнего царствования он не обращался при помощи переводчика ни к одному человеку из подвластных ему племен»* (Плиний Старший). В итоге Митридат стал настоящим полиглотом. Это было дано далеко не каждому монарху, например, Птолеми так и не соизволили выучить египетский язык.

Но что ещё поражало в Митридате, так это стремление изучить многие вещи досконально, докопаться до сути проблемы, вникнуть во всё самому и лишь потом приступить к её решению. В данный момент главной задачей, стоящей перед Евпатором, была необходимость вернуть Понтийскому царству ведущие позиции в регионе, которые были утрачены в годы регентства его матери Лаодики.

Армия Митридата

Если у какого-либо монарха возникает желание значительно увеличить свою территорию, то важнейшим инструментом в этом сложном деле является армия. Именно от её боевых качеств и подготовки командного состава зависит, будут ли успешными замыслы правителя или они потерпят полный крах. Поэтому, перед тем как рассмотреть ранние завоевания Митридата, есть смысл сказать несколько слов об армии Понта.

Армия Митридата была классической армией эллинистического типа, где мирно уживались македонская военная школа Александра Великого и местные воинские традиции. Но становым хребтом армии Понта, её наиболее боеспособными частями, были царская гвардия, подразделения фаланги и отряды тяжелой кавалерии. Остальные войска, представленные в основном местными ополчениями, собирались от случая к случаю и не обладали должной выучкой и дисциплиной. В преддверии военных кампаний базилевсы нанимали контингенты воинов-профессионалов.

Понтийская фаланга была обучена и снаряжена по македонскому образцу. Вооружение воина сариссофора (фалангита) было классическим для эпохи эллинизма: длинная пика – сарисса (от 3 до 5 м в длину), короткий меч ксифос, служивший как колющее оружие или изогнутый греческий меч копис, предназначенный исключительно для рубящих ударов. Из защитного вооружения воин носил шлем халкидского или фригийского типа, льняной панцирь и небольшой македонский щит, до 75 см в диаметре. Благодаря этому фалангит мог держать сариссу двумя руками.

Как известно, в состав армии Македонии эллинистического периода входили отряды отборной тяжелой пехоты – «медные щиты» (халкаспиды) и «белые щиты» (левкаспиды). Высочайшие боевые качества этих воинов были известны во всём античном мире, и после того как корпус прекратил своё существование, осталась традиция – по цвету щитов выделять элитные подразделения фаланги. Цари Понта пошли по этому же пути и создали собственные ударные подразделения, которые выделялись как уровнем подготовки, так и лучшим вооружением. К примеру, в состав фаланги входил отряд халкаспидов («медных щитов»). Об этом есть прямое свидетельство Плутарха в биографии Суллы, где он несколько раз упоминает это подразделение. При описании битвы при Херонее в 86 г. до н. э. мы встречаем информацию о том, что римский строй *«был атакован Таксилем с его “медными щитами”»*. Вполне возможно, что эти элитные бойцы выполняли при Митридате функции гвардейцев.

В состав понтийской армии входили отряды гоплитов из тех греческих городов, которые находились в зависимости от Митридата, а также контингенты наемников, нанятых в различных регионах Причерноморья. Снаряжение греческих гоплитов было традиционным – шлем, панцирь, большой круглый щит, меч и копье. Шлемы были преимущественно аттического или халкидского типа, оставляющие лицо воина открытым. Панцири были льняные, склеенные из нескольких слоев ткани и иногда усиленные металлическими пластинами. Щиты были деревянные, обтянутые кожей и оббитые по краям металлической полосой. Будучи не менее одного метра в диаметре, такой щит служил надежной защитой воину, но поскольку весил около 10 кг, то в определенной степени сковывал его движения. Вооружен был гоплит копьем ксистоном от 2 до 3 м длиной и небольшим прямым мечом ксифосом.

Примечательно, что сведений о том, что воины из греческих городов Малой Азии и региона Понта Эвксинского использовали строй македонской фаланги, до нас не дошло. Скорее всего, они так и продолжали сражаться в строю классической греческой фаланги до 8 рядов в глубину.

Что же касается наемников, то мы видели на примере Дорилая Тактика, как базилевсы Понта вербовали их по всему эллинистическому востоку. Недаром стратег оказался на Крите,

который испокон веков славился своими лучниками. Фракийцы и бастарны, умелые и бесстрашные бойцы, также в немалом количестве будут служить Митридату VI. Великолепную характеристику бастарном, как воинам, даёт Плутарх в биографии Эмилия Павла: *«Все до одного наемники – люди, не умеющие ни пахать землю, ни плавать по морю, ни пасти скот, опытные в одном лишь деле и одном искусстве – сражаться и побеждать врага»*.

Тяжелая пехота фракийцев и бастарнов отличалась высокими боевыми качествами. Особенно страшны они были при первом натиске. Вооружены эти воины были либо махайрой – кривым серповидным мечом с лезвием на внутренней стороне клинка, либо фальксом – изогнутым мечом, чей длинный клинок по форме напоминал косу. Из защитного снаряжения фракийцы и бастарны носили шлемы фракийского или халкидского типа, поножи и щиты.

Заслуженной славой пользовалась и лёгкая фракийская пехота. Эти воины, быстрые и выносливые, были незаменимы во время боёв на пересеченной местности и в горах. Соответственной была и экипировка: *«У фракийцев в походе на головах были лисьи шапки. На теле они носили хитоны, а поверх – пестрые бурнусы. На ногах и коленях у них были обмотки из оленьей шкуры. Вооружены они были дротиками, пращами и маленькими кинжалами»* (Геродот).

Однако основная масса легковооружённых войск – лучники, пращники, метатели дротиков – набиралась в азиатских владениях Митридата. Это были выходцы из небогатых слоёв населения, в основном воины из горных племён. Причем чем больше будет расширяться держава Евпатора, тем больше различных племен и народов встанут под его знамена. Но об этом мы подробно поговорим, когда будем разбирать подготовку Митридата к войне с Римом.

Теперь несколько слов о кавалерии. Сведений о том, что македонская военная школа оказала какое-либо влияние на данный род войск в Понте, у нас нет. И если у Селевкидов существовала кавалерия гетайров, о чем упоминают античные авторы, то о существовании аналогичного подразделения в армии Митридата ничего не известно. Зато очень хорошо прослеживаются традиции Ахеменидов, потомком которых считал себя Евпатор. Именно такой подход к делу позволил понтийской коннице стать грозной и практически непобедимой силой. В кавалерии Митридата служило очень много выходцев из Каппадокии, Пафлагонии и Малой Армении. Заслуженной славой пользовались каппадокийские наездники, недаром Каппадокия переводится как «Страна прекрасных лошадей».

Традиционно, восточная кавалерия делилась на тяжеловооруженную и лёгкую. Наездники лёгкой кавалерии, вооружённые луками, дротиками и короткими копьями, выполняли функции разведчиков, совершали рейды по вражеским тылам, а также занимались охраной коммуникаций. Тяжёлая панцирная конница, где воины и кони были защищены пластинчатыми доспехами, служила для того, чтобы проломить вражеский строй на направлении главного удара и развить успех.

Удивительно, но в состав царской армии входили даже подразделения боевых колесниц с косами, которые к этому времени считались анахронизмом на поле боя. Уже во время походов Александра Македонского было ясно, что век колесниц давно прошел. Лишний раз это подтвердила битва при Магнесии в 190 г. до н. э., когда Антиох III Великий в последний раз встретился с римлянами на поле сражения. Тогда боевые колесницы принесли больше вреда, чем пользы. Но, тем не менее, в армии Понта они присутствовали, и здесь опять-таки можно говорить о сильных восточных традициях. Однако, как показало будущее, Митридат и его стражи настолько умело использовали этот устаревший род войск, что причиняли противнику страшные потери.

Осадной техникой, а также наведением переправ и строительством мостов ведали царские инженеры. Но здесь обращаться к опыту Ахеменидов было бессмысленно. Для этого дела требовались профессионалы из другой военной школы, люди, которые могли использовать все достижения эллинистической военной мысли.

Владыка Понта прекрасно понимал, что для того, чтобы армия была боеспособной, нужны хорошие военные специалисты, поэтому и нанимал их по всему эллинскому миру. А когда представилась такая возможность, то пополнил ряды командного состава и римскими перебежчиками. *«К специалистам обращались даже владыки варваров: Ганнибал призывал лакедемонянина Сосила, Митридат V и Митридат VI – Дорилая Тактика и его племянника Дорилая Младшего»* (П. Левек). Страбон характеризует Дорилая Тактика как профессионала высочайшего уровня: *«Дело в том, что Дорилай, один из “друзей” Митридата Еввергета, был человеком опытным в искусстве тактики. Благодаря опытности в военном деле его посылали набирать наемников, ему часто приходилось посещать Грецию и Фракию; часто бывал он также у наемников с Крита»*.

Таким образом, мы видим, что в состав армии Понта входили отряды действительно высокопрофессиональных воинов, которые хорошо делали свою работу и получали за это деньги из царской казны. Наряду с постоянными воинскими контингентами они составляли костяк армии Митридата. Племянник Дорилая Тактика, которого тоже звали Дорилай, был молочным братом Евпатора, воспитывался вместе с царём и в дальнейшем занимал ответственные посты в армейском руководстве. Поэтому не случайно, что армия Понта стала самой грозной военной силой в Анатолии. Недаром в течение очень длительного времени Митридату удавалось выдерживать противостояние с римской военной машиной – лучшей военной организацией своего времени.

Опираясь на первоклассную армию, Евпатор переходит к активной внешней политике в регионе Понта Эвксинского. Что и было засвидетельствовано Юстином: *«Когда же Митридат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о делах внутреннего управления, а об увеличении пределов своего царства»*. И первым шагом к созданию мощнейшей державы стало установление понтийского владычества над Таврикой и Колхидой.

Создание Черноморской державы (111–106 гг. до н. э.)

От Пантикапея до Херсонеса

В III в. до н. э. начинается длительная и кровопролитная война скифов против наступающих с востока племен сарматов. Скифы не устояли под вражеским натиском и были отброшены к низовьям Борисфена¹⁰ и в Таврику. Это радикально изменило ситуацию в регионе, поскольку теперь скифы оказались зажаты на достаточно узком пространстве. На их землях начинают строиться города и поселения. Согласно сообщению Страбона, эта градостроительная деятельность связана с именем царей Скилура и Палака. Говоря о землях скифов, географ отмечал, что там *«есть также укрепления, которые построил Скилур и его сыновья. Эти укрепления – Палакий, Хаб и Неаполь»*.

Неаполь Скифский, руины которого находятся на территории современного Симферополя, был столицей позднескифского государства, которое Страбон называет Малой Скифией. В III–II вв. до н. э. город значительно расширяется, а вокруг него возводятся мощные крепостные стены, высотой до 8 м и толщиной до 6,5 м. Около городских ворот, недалеко от входа в царский дворец, возводится мавзолей предшественника Скилура, скифского царя Аргота. В большом строительстве, которое развернулось в Неаполе Скифском, значительная роль принадлежала эллинам. Об этом свидетельствуют постройки эллинистического типа на территории столицы, где были найдены греческие скульптуры и фрески. Культура Эллады начинает всё глубже проникать в высшие слои скифского общества. Что же касается правителей Малой Скифии, то они всё больше начинают подражать эллинистическим монархам.

Как видим, скифы обустранивались в Таврике надолго, возводя города и крепости, частично переходя к оседлому образу жизни. Однако для них это имело, как это не покажется странным, и негативные последствия. Дело в том, что военная доктрина скифов всегда подразумевала маневренную войну. Заманивание противника в глубину своей территории, изматывание нападениями мелких отрядов и сокрушительная атака всеми силами, когда враг измотан, – вот основы их стратегии и тактики. А теперь, у стиснутых в ограниченных пространствах Таврики и низовьях Борисфена скифов, такой возможности не было. Их правители не могли ответить врагам словами легендарного царя Иданфирса: *«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно»* (Геродот). Вести маневренную войну стало невозможно ещё и потому, что скифы волей-неволей оказывались привязанными к своим городам. Но главной бедой оказалось то, что цари Малой Скифии никак не отреагировали на такое изменение ситуации и не проверили военную реформу. Мобильные отряды конных лучников так и остались главной ударной силой скифов. В противостоянии с сарматами, которые делали главную ставку на тяжёлую панцирную кавалерию, а конных стрелков использовали для прикрытия, такая тактика уже не срабатывала. Что же касается скифской пехоты, то её боевые качества всегда оставляли желать лучшего, и большой ошибкой скифских царей Скилура и Палака стало то, что они не уделили должного внимания этому роду войск.

Хотя действовали скифские цари с размахом. Во время раскопок в Неаполе Скифском было найдено посвящение Ахиллесе, которое сделал наварх Посидей. В тексте говорится о том, что, находясь на службе у скифского царя Скилура, Посидей, сын Посидея, одержал в морском бою победу над пиратами сатархами. Хотя казалось бы, что скифы и море понятия нес совме-

¹⁰ Борисфен – античное название Днепра.

стимые. Поэтому можно говорить о том, что начавшееся возрождение Малой Скифии имело серьезные шансы на успех. Однако проблема заключалась в том, что, укрепившись в Таврике, скифские цари вынуждены были столкнуться с Боспорским царством и Херсонесом Таврическим. Именно взаимоотношения между этими тремя государствами и определили дальнейший ход событий в регионе.

* * *

В VI в. до н. э. на территории Керченского полуострова эллины из Ионической Греции основывают ряд колоний. Это прежде всего Пантикапей¹¹, Нимфей, Мирмекий и Феодосия. На восточном берегу Керченского пролива, который в древности назывался Боспор Киммерийский, строятся Фанагория и Гермонасса. Само описание пролива содержится в труде Страбона: *«Неподалеку находится селение Патраей, от которого 130 стадий до селения Корокондамы. Последнее является концом так называемого Киммерийского Боспора. Так называется узкий пролив у входа в Меотиду¹²; он тянется от теснин между Ахиллеем и Мирмекием вплоть до Корокондамы и маленького селения по имени Акра, лежащего напротив в области пантикапейцев; Акра отделена от Корокондамы проливом в 70 стадий шириной. Ведь лед простирается также до этих пор, когда во время морозов Меотида замерзает, так что по льду можно ходить пешком. Повсюду в этом узком проходе есть удобные гавани»*.

Также географ рассказывает о том, почему пролив получил такое название: *«Некогда киммерийцы властвовали на Боспоре. Поэтому целая часть пролива, простирающаяся до устья Меотиды, называется Киммерийским Боспором»*. Данный факт ученый эллин отмечает ещё раз: *«Некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы – это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии. Однако скифы вытеснили их из этой области, а последних – греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре»*. Примечательно, что на территории Боспорского царства находился и город с названием Киммерик, который являлся важным опорным пунктом в системе обороны страны на западных границах.

До определенного момента все основанные в этом регионе колонии существовали сами по себе, но возникшая угроза со стороны скифов вынудила эллинов объединиться. Столицей нового государственного образования стал Пантикапей. Однако скифская проблема была решена далеко не сразу. Степняки свободно разъезжали по землям Боспорского царства, причем не только летом, но и зимой. Мало того, своими набегами они умудрялись тревожить даже Фанагорию, невзирая на то что она находилась на восточном берегу пролива. А происходило это по одной простой причине – как мы помним, зимой пролив замерзал. Кроме Страбона об этом свидетельствует и Геродот, отмечая при этом факт миграции скифов на восток: *«Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов»*.

Экстренная ситуация потребовала экстренных мер, и в 480 г. до н. э. власть в Пантикапее берут выходцы из Милета Археанактиды, представители знатного рода. Благодаря тому, что в их руках оказались ресурсы объединившихся полисов, Археанактиды сумели справиться с вторжениями скифов. На западных границах государства возводится укрепленная линия обороны, протянувшаяся от Меотиды до города Тиритака и вошедшая в историю под названием Тиритакского вала. Вокруг городов возводятся каменные стены, а с некоторыми местными

¹¹ Современная Керчь.

¹² Меотида – античное название Азовского моря.

племенами заключаются союзы и их воины в качестве наемников несут службу в боспорской армии.

После того как скифская угроза была ликвидирована, начинается быстрый экономический подъем страны. Появляется множество сельских поселений, где начинает активно развиваться виноградарство и хлебопашество, что в свою очередь служит толчком к развитию торговли. Главным товаром боспорских купцов и торговцев становится хлеб, а Боспорское царство в течение длительного времени будет главной житницей Эллады. Также процветает торговля с Ионической Грецией, Гераклеей Понтийской и Синопой. Примечательно, что Страбон четко делит Боспорское царство на две части – европейскую, которая находится на Керченском полуострове, и азиатскую, которая находится на Тамани. Вот что географ сообщает по данному поводу: *«Все племена, подвластные властителям Боспора, называются боспоранами. Главным городом европейских боспоранов является Пантикапей, а азиатских – Фанагорий (потому что так называется этот город). Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны, а Пантикапей – для товаров, привозимых туда с моря».*

В 438 г. до н. э. в Боспорском царстве происходит смена династии и вместо Археонактидов к власти приходят Спартокиды. В результате активной внешней политики им удается захватить Феодосию. Борьба за этот город была долгой и упорной (389–364 гг. до н. э.), поскольку на стороне Феодосии выступила Гераклея Понтийская. Сначала боспорский царь Сатир I потерпел в этом противостоянии поражение, но его преемник Левкон призвал на помощь скифов и одержал победу. Правители Боспора расширяют свои владения на Таманском полуострове, им удается захватить и земли вдоль восточного побережья Меотиды. Страбон сообщает, что именно эллины с Боспора основали город Танис, лежащий в устье одноименной реки¹³. Так же географ дает подробное описание земель, входящих в состав азиатского Боспора: *«При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Анатур – святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города – за Гипанисом в Синдской области. В Синдской области есть место Горгиипия – царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака».*

Как видим, ситуация стабилизировалась, государство расширило свою территорию, укрепилось и в IV в. до н. э. достигает наивысшего расцвета. Однако потом положение дел заметно ухудшается. Связано это было прежде всего с тем, что начался планомерный натиск сарматов на запад. Скифы под их напором откатывались в Таврику и к Борисфену, поэтому правители Боспора стали ощущать натиск варваров на восточных границах государства.

Но помимо внешнеполитических проблем возникли проблемы экономические. Связано это было прежде всего с тем, что роль Боспора как главной хлебной житницы в Эгейском регионе снизилась, а на первое место вышел Египет Птолемеев. Главный торговый партнер Пантикапея – Афины – медленно приходит в упадок.

И наконец, в стране начинаются внутренние неурядицы. В 310 г. до н. э. вспыхнула борьба за власть между сыновьями царя Перисада I – Сатиром и Пританом, с одной стороны, и Эвмелом – с другой. Первых поддержат скифы, второго – сарматы. Победителем в этой схватке выйдет Эвмел, но его правление продлится недолго.

К этому времени у правителей Боспора установились со скифами вполне дружеские отношения, можно даже сказать союзнические. С одной стороны, это объяснялось тем, что у тех и других был один общий враг – сарматы. И если скифы сражались с ними на левобережье Днепра, то боспорские цари вели против сарматов боевые действия в Прикубанье. Защита своих владений на востоке была для них важнейшей задачей, поскольку Фанагория, Гермо-

¹³ Танис – античное название реки Дон.

насса и Горгиипия своим богатством привлекали варваров. Кроме войны с сарматами боспорская армия и флот вели боевые действия против племен зигов, ахейцев (не путать с ахейцами Балканской Греции) и гениохов, которые проживали вдоль Кавказского побережья и терроризировали весь регион своими пиратскими набегами. Интересную информацию об ахейцах и гениохах сообщает Страбон, поскольку считает, что их предки были выходцами из Эллады: *«Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона, а лаконцы поселились в Гениохи; предводителями последних были Крекаси Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохи¹⁴ получили свое имя от них»*. Но главным врагом Боспора были именно сарматы.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что между Неаполем Скифским и Пантикапеем установилось взаимопонимание. Скифы помогали своим соседям войсками, а правители Боспора с удовольствием принимали к себе на службу воинственных скифских аристократов, которые со временем входили в состав правящей элиты. Многие простые скифы переходили к оседлой жизни на территории соседней страны и обзаводились собственным хозяйством. Ярким примером того, как скифы помогали своим соседям, является война Боспорского царства с Гераклеей Понтийской за Феодосию. Согласно сообщению Поллиэна, царь Левкон I использовал войска союзников в качестве заградительных отрядов, поставив скифских лучников позади строя боспорских гоплитов и приказав убивать всех отступающих. Как видим, скифам Левкон доверял гораздо больше, чем собственным войскам. Да и в битве на реке Фат в 310 г. до н. э., когда сарматы поддерживали претендента на трон в Пантикапее, скифы выступили на стороне законного правителя.

Как видим, сотрудничество было взаимовыгодным.

Однако это касалось дел внешнеполитических, во внутренних же делах на Боспоре Киммерийском царил полный разброд и шатание. Царь Перисад V, несмотря на поддержку скифов, не смог остановить натиск варваров на восточные границы Боспорского царства, чем вызвал всеобщее недовольство в стране. К тому же к кризису внешнему добавился кризис династический. Поскольку у царя не было наследника, то вопрос о том, кто сядет на трон в Пантикапее после смерти Перисада, приобретал важнейшее значение. И здесь мнения представителей правящей элиты расходились радикально.

Военная аристократия, которая в основном была представлена скифами, предлагала надеть царскую диадему либо на одного из её представителей, либо на одного из сыновей скифского царя Скилура и тем самым ещё больше содействовать сближению Малой Скифии и Боспорского царства. Но не меньшее количество знати стояло за то, чтобы передать власть над страной Митридату Евпатору. В этом случае армия Понта сумела бы защитить Боспор от варварских набегов, а царский флот покончил бы с пиратством в регионе, поскольку оно стало приобретать поистине катастрофические размеры.

¹⁴ Гениохи – возницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.